

Содержание

ISSN 2587-8190

Артем Трофимов. Композиционные особенности прозаических панегириков в честь Полтавской победы (на материале творчества Стефана Яворского и Феофана Прокоповича)	223
Хэн Фу. «Энхиридион» Эпиктета: переводы А. Д. Кантемира и Г. А. Полетики	239
Мария Начинкова. Записки Бориса Райского и роман И. А. Гончарова «Обрыв»	248
Алексей Балакин. Вокруг завещания И. А. Гончарова	264
Мария Асташенкова. Сборник М. В. Крестовской «Уголки театрального мирка» как пример русской театральной прозы 1880-х годов.	288
Анастасия Полумордвинова. Любовь-игра, любовь-рок и любовь-смерть в лирической повести В. Я. Брюсова «Декадент»	302
Дмитрий Зайцев. Натуралистический нарратив о неврастении и дегенерации и русский символистский роман: О влиянии сборника А. В. Амфитеатрова «Психопаты» на роман Ф. Сологуба «Мелкий бес»	320
Андрей Устинов. Мстислав Добужинский и русская кабаре-культура: Антрепризы Бориса Пронина I. «Привал комедиантов» в Петрограде	331
II. «Странствующий энтузиаст» в Москве.	363
Дмитрий Цыганов. От культа Ленина к культу Сталина: Стратегии деперсонификации ленинского образа в некрологической лирике в связи с его вытеснением сталинским quasi-мифом	384
Анастасия Христенко. О природе визуального кода в романе Ю. К. Олеши «Зависть»	404
Максим Щавлинский. «Жизнь Арсеньева» и «Жизнь Бунина» как способ сознательной спекуляции на биографии	423
Екатерина Буханова. Судьба текста в романе А. Битова «Преподаватель симметрии»	437
Анастасия Именных. Два варианта романа В. П. Астафьева «Прокляты и убиты»: К истории публикации	451
Указатель имен	463
Содержание шестнадцатого тома	479

Тираж 500 экз.

Редакция:

А. А. Кобринский (главный редактор),
А. С. Пахомова (редактор), А. Ю. Балакин,
Е. А. Глуховская, О. В. Макаревич, А. А. Чабан

Адрес редакции:

191036, Санкт-Петербург, 1-я Советская ул., д. 10, лит. К.
Тел. (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

2020 XVI (3-4)

Летняя школа по русской литературе

ЛЕТНЯЯ ШКОЛА ПО РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

2020 (3-4)

международная летняя школа
по русской литературе

Выходит 4 раза в год
Редакционный совет:

Проф. А. А. Кобринский (Санкт-Петербург, Россия), председатель
К. ф. н. А. Ю. Балакин (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. И. Ю. Виницкий (Принстон, США)
Проф. А. А. Долинин (Мэдисон, США)
Проф. А. К. Жолковский (Лос-Анджелес, США)
Д. ф. н. К. Ю. Лаппо-Данилевский (Санкт-Петербург, Россия)
Проф. М. Ю. Люстров (Москва, Россия)
Г. В. Обатнин, PhD (Санкт-Петербург, Россия / Хельсинки,
Финляндия)

<http://schoolsummer.jimdo.com>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации

ПИ № ФС 77 – 63198 от 1 октября 2015 года

Индекс по каталогу подписки «Урал-пресс»: ВН017186

ISSN 2587-8190 = Letná škola

С 30 ноября 2017 года журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

© Авторы статей, 2020

© «Летняя школа по русской литературе», 2020

Contents

Artyom Trofimov. Composition features of the panegyrics in honour of the Victory at Poltava (based on Stefan Yavorsky's and Feofan Prokopovich's works)	223
Heng Fu. <i>Enchiridion</i> of Epictetus: Translations of Antiochus Cantemir and Grigorij Poletika	239
Mariia Nachinkova. Boris Rayskiy's sketches and Ivan Goncharov's novel <i>The Precipice</i>	248
Alexey Balakin. Notes on Ivan Goncharov's Testament.	264
Mariya Astashenkova. M. Krestovskaya's digest <i>Corners of the Theatrical World</i> as an example of Russian theatrical prose of the 1880's.	288
Anastasia Polumordvinova. Love as a game, love as a fate and love as a death in Valery Bryusov's lyrical novel <i>Decadent</i>	302
Dmitry Zaytsev. Naturalist narrative about neurasthenia and degeneration and the Russian symbolist novel: Influence of the A. V. Amfiteatrov's collection <i>Psychopaths</i> on Fyodor Sologub's novel <i>The Petty Demon</i>	320
Andrei Ustinov. Mstislav Dobuzhinsky and the Russian Cabaret Culture I. <i>The Comedians' Camp</i> in Petrograd	331
II. <i>The Peripatetic Enthusiast</i> in Moscow	363
Dmitry Tsyganov. From the «Lenin» cult to the «Stalin» cult: Strategies of depersonificating the image of Lenin in obituary poetry due to its later elimination by the Stalin quasi-myth	384
Anastasiia Khristenko. The nature of the visual code in Yury Olesha's novel <i>Envy</i>	404
Maxim Shavlinsky. <i>The Life of Arseniev and The Life of Bunin</i> as a way of deliberate speculate on biography	423
Ekaterina Bukhanova. The fate of the text in Andrey Bitov's novel <i>The Teacher of Symmetry</i>	437
Anastasiia Imennykh. Two versions of Victor Astafiev's novel <i>Damned and Killed</i> : Notes on the publication history.	451
Index	463
Content of the volume	479

Editorial Board:

Alexey Balakin, Aleksandra Chaban, Elena Glukhovskaja,

Alexander Kobrinsky (Chief Editor),

Olga Makarevich, Aleksandra Pakhomova

Editorial address:

191036, St.-Petersburg, 1st Sovetskaya ul., 10, lit. K.

Phone number: (812) 449-52-50. E-mail: summerschool@list.ru

АРТЕМ ТРОФИМОВ
(Санкт-Петербург)

КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЗАИЧЕСКИХ ПАНЕГИРИКОВ В ЧЕСТЬ ПОЛТАВСКОЙ ПОБЕДЫ

*(на материале творчества Стефана Яворского
и Феофана Прокоповича)*

В статье проводится анализ композиционного и риторического построения ряда прозаических панегириков, посвященных Полтавской победе 1709 года. Исследование проводится на материале трех проповедей Стефана Яворского 1709 и 1716 годов и двух проповедей Феофана Прокоповича 1709 и 1717 годов. В центре внимания находятся различия способов построения ранних и поздних панегириков в честь Полтавской победы.

Ключевые слова: Полтавская победа, панегирик, композиция, Стефан Яворский, Феофан Прокопович

Информация об авторе: Артем Евгеньевич Трофимов, магистрант Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: artem_trofimov_9@mail.ru

Composition features of the panegyrics in honour of the Victory at Poltava

*(based on Stefan Yavorsky's and Feofan Prokopovich's
works)*

The paper deals with the analysis of composition and rhetoric structure of a series of panegyrics glorifying the victory at Poltava (1709). The research is based on three sermons by Stefan Yavorsky of 1709 and 1716 and two sermons by Feofan Prokopovich of 1709 and 1717. The paper concentrates on the difference between composition features of early and late panegyrics the honour the victory at Poltava.

Key words: the Victory at Poltava, panegyrics, composition, Stefan Yavorsky, Feofan Prokopovich

About the author: Artyom Trofimov, master student at Saint Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia.

E-mail: artem_trofimov_9@mail.ru

DOI 10.26172/2587-8190-2020-3-4-223-238

Полтавская победа, состоявшаяся 27 июня (8 июля) 1709 года в шести верстах от города Полтавы, стала переломным событием в истории не только Северной войны (1700–1721), но и всего русского XVIII века. Тема Полтавской баталии нашла отражение в творчестве многих русских авторов того времени: Феофана Прокоповича (поэма «Епипикион», 1709), В. К. Тредиаковского (ода «Похвала Ижерской земле и царствующьму граду Санктпетербургу», 1752), М. В. Ломоносова (ода «Первые трофеи Иоанна III...», 1741) и др. От героических панегириков современников Петра до поэм последней трети столетия эта тема не раз подвергалась переосмыслению. В рамках настоящей статьи мы обратимся к ряду текстов первой трети столетия. Немаловажно, что в период Северной войны в России наблюдается усиленное проникновение западноевропейских культурных элементов, входящих в диалог с древнерусским наследием. Феномен культурного синтеза наложил свой отпечаток на литературу того времени, что выражается в возникновении новых жанров, «европеизации» языка, изменении отношения к античности. Ярким примером синтеза «старой» и «новой» культур является жанр героического панегирика.¹ Именно поэтому уместным видится обращение к панегирикам в честь Полтавской баталии как попытке самоутверждения Российского государства в геополитическом пространстве Европы.

В настоящей статье мы попытаемся проследить эволюцию композиционно-риторических особенностей в ряде церковных панегириков (созданных духовными лицами и посвященных событиям, представляющим, по мнению их авторов, значимость для церковной жизни государства), посвященных Полтавской победе. В качестве материала для исследования были избраны пять панегириков, принадлежащих наиболее ярким проповедникам первой трети XVIII века, часто сравниваемым в научной литературе как эстетические и философские оппоненты, — Стефану Яворскому и Феофану Прокоповичу.

Стефан Яворский создал в 1709 году два панегирика о Полтавской победе. Первый, озаглавленный «Рука Хри-

¹ См. о нем: *Матвеев Е. М.* Русская ораторская проза середины XVIII века: (Панегирик в светской и духовной литературе). СПб., 2009.

стова, Петру простираемая, си есть, собственное пособие Петру Первому, Пресветлейшему Монарху всероссийскому во одолении неприятелей, похвальным словом всенародне за торжественную над шведами победу под Полтавою, в лето 1709 июня в 27 день восприятую, явленна тогож лета июля в 14 день в Москве по получении веселыя вести от Полтавы в соборном Успенском храме Пр. Стефаном митрополитом рязанским и муромским проповеданная», был произнесен в Москве при получении вести о победе, по-видимому, в отсутствие Петра.¹ Второй — «Камень, идола Навуходоносорова сокрушивший, то есть, Петр Первый Император всероссийский, шведскаго короля со всем воинством лета Господня 1709 года июня 27 преславно победивший» — был произнесен после триумфального вхождения войск царя в Москву.² Даже при беглом взгляде на эти два произведения очевидна общность их художественных особенностей: наиболее выразительной частью обоих панегириков является описание многокомпонентного статичного образа, а также отсутствие четких логических связей между частями проповеди. В первом случае весь текст похвального слова строится в форме описания руки Бога, ниспославшего победу Петру и его войску в битве со шведами: «Десница Господня сотвори силу; десная Ти рука Господи сокруши врага <...> Рука всемогущаго Бога Нашего вся содержит, вся объемлет, вся осязает, но не всегда одинаково показуется земнородным».³ Значительную часть панегирика занимает аллегорическое

¹ В. П. Слова Стефана Яворского, митрополита рязанского и муромского // Труды Киевской духовной академии. 1874. Т. 3. С. 78.

² Там же.

³ Проповеди Стефана Яворского за 1702–1716 гг. // ОР РГБ. Ф. 173. Карг. 2. Ед. хр. 112. (Рука Христова, Петру простираемая, си есть, собственное пособие Петру Первому, Пресветлейшему Монарху всероссийскому во одолении неприятелей, похвальным словом всенародне за торжественную над шведами победу под Полтавою, в лето 1709 июня в 27 день восприятую, явленна тогож лета июля в 14 день в Москве по получении веселыя вести от Полтавы в соборном Успенском храме Пр. Стефаном митрополитом рязанским и муромским проповеданная). Кроме того, эти панегирики были опубликованы в выпусках «Трудов Киевской духовной академии» (Киев, 1874–1875)

изображение руки Господней, пять пальцев которой обозначают добродетели Петра: «Первый перст, нарицаемый крепкий, знаменует крепость и силу неодоленную; скоро толко прострет нам Христос руку Свою, скоро толко коснет его перстом Своим крепким, аже он из немощнаго стается крепким...»¹ и т. д. Второй, третий, четвертый и пятый персты указывают, соответственно, пути к спасению, терпение, любовь и смирение. Торжество Петра объясняется милостью Божьей: «А Петрови нашему, всероссийскому Монарху, како является рука Господня, не вопрошай како является; зри нашего <ду>ховнаго апостола Петра, емужде Христос простре руку Свою...».²

Второй панегирик 1709 года также представляет собой аллегорическое описание — на этот раз врага, который изображен в виде языческого идола-чудовища со ссылкой на книгу пророка Даниила:

...я вам еще иное хощу показати чудо, явлю вам на сей проповеди ужасное некое страшилище, которое Навуходносор царь вавилонский яко толко во сне узревши страхом и трепетом одержим бысть; читайте книгу о том Даниила пророка: явися Навуходносорови идол некий ужасный, глава его от злата жива, руце и перси и мышцы сребрене, чрево и стегне медяны, голени железнии, часть последняя скуделна. <...> Разсуждая о сем так я себе думаю, что всевойнство неприятельское был то един идол Навуходносоров, глава золотая то король шведский, руце и перси и мышце сребрене то министры, без которых ани без рук, чрево медяно то гавалерия генерали, фельтмаршали оберштери и различнии оффицеры чревом медяным образуемы, вся якоже чрева истребляющи...³

Как и в первом случае, здесь имеет место подробное описание и аллегорическое толкование составных частей целого, на этот раз — частей тела чудовища: золотая голова — воинское искусство противника, серебряные руки — среб-

¹ Проповеди Стефана Яворского за 1702–1716 гг. Л. 128 об.

² Там же. Л. 129 об.

³ *Стефан Яворский*. Камень, идола Навуходносорова сокрушивший, то есть, Петр Первый Император всероссийский, шведскаго короля со всем воинством лета Господня 1709 года июня 27 преславно победивший // Труды Киевской духовной академии. 1875. Т. 3. С. 464–465.

ролюбие и разграбление, медное чрево — неприятельская сила, железные ноги — унаследованное от древних предков железное оружие шведов.

Этот панегирик кажется более насыщенным библейскими цитатами и реминисценциями. Опуская ряд деталей, перейдем к следующему, на наш взгляд, интересному эпизоду второго панегирика 1709 года — аллегорическому изображению победы Петра над шведами:

Но како бысть поражение, како бысть падение онаго четыресоставнаго величайшаго кумира; сказует Писание Божественное там же; камень отторжесе от горы, не руками, и удари идола в нози железне, и сокрушися идол, и бысть яко прах¹.

Нетрудно догадаться, что оба аллегорических фрагмента, приведенных выше, напрямую отсылают к Книге пророка Даниила, а именно — к эпизоду сна Навуходоносора об истукане:

Тебе, царь, было такое видение: вот, какой-то большой истукан; огромный был этот истукан, в чрезвычайном блеске стоял он пред тобою, и страшен был вид его. У этого истукана голова была из чистого золота, грудь его и руки его — из серебра, чрево его и бедра его медные, голени его железные, ноги его частью железные, частью глиняные. Ты видел его, доколе камень не оторвался от горы без содействия рук, ударил в истукана, в железные и глиняные ноги его, и разбил их. Тогда все вместе раздробилось: железо, глина, медь, серебро и золото сделались как прах на летних гумнах, и ветер унес их, и следа не осталось от них; а камень, разбивший истукана, сделался великою горою и наполнил всю землю (Дан: 2, 31–35).

Примечательно также тематическое привлечение именно этого фрагмента Библии: одной из основных тем Книги Даниила является победа над языческими монархиями и установление Царства Божьего, что, разумеется, напрямую перекликается с приданием Петру I божественного ореола.

Как видно, два сочинения Стефана Яворского обладают некоторыми общими художественными особенностями: оба панегирика строятся на описании яркого статичного образа, составные части которого предстают как аллегии. Поэтому

¹ Там же. С. 473.

не вполне верным видится утверждение М. С. Киселевой, что «Рука Господня...» «приобретает характер исторического повествования».¹ Проповедь, как нам кажется, представляет собой не повествование, а именно изображение войны при помощи развертывания яркого визуального образа.

Текстом иной природы предстает прозаический панегирик младшего современника Стефана Яворского — Феофана Прокоповича. Его «Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе, пресветлейшему Государю Царю и Великому Князю Петру Алексиевичу, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержцу, в лето Господне 1709 месяца июня дня 27 Богом дарованной» было создано также сразу после Полтавской победы и произнесено автором в Софийском соборе Киева в присутствии государя после триумфального въезда войск в город. 10 июля 1709 года панегирик был издан отдельной брошюрой в типографии Киево-Печерской лавры на церковнославянском языке вместе с героической поэмой «Епиникион». Опишем некоторые композиционные особенности этого произведения.

Начало панегирика обращено с приветствием к победоносному государю:

Егда пресветлое пресветлаго величества твоего лице, царскую честию и дивною неописанной победы красотою сияющее, в сем нашем, паче же твоём, жительстве (еже есть верх благополучия нашего) видети сподобляемся, пресветлейший и великодержавнейший всероссийский монарх и преславный войск свейских победителю, кое иное дати тебе приветствие и что большее в дар гостинный имамы принести тебе?²

Далее в этом же фрагменте оратор обращается к известному топосу самоумаления говорящего и невозможности выразить восторг доступным человеку языком (данный то-

¹ Киселева М. С. Священная и гражданская история в контексте книжной барочной проповеди: К вопросу об истоках исторического знания в России // Vox: Философский журнал. 2014. Вып. 17. Декабрь. URL.: <https://vox-journal.org/html/issues/280/293> (дата обращения 11.07.2020).

² Феофан Прокопович. Слово похвальное о преславной над войсками свейскими победе // Феофан Прокопович. Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 23.

пос известен, в частности в средневековой житийной традиции; ср. из «Жития Стефана Пермского»: «азъ бо есмь умоюъ грубъ, и словом невѣжа, худ имѣя разум и помысль вредоумень <...> ни философи, ни хитрорѣчиа не навыхкох»¹): «...радость не терпит в нас молчания, ею же возбуждаемый, аще бы имел бых тысящу устен и гортаней, ни единой бы воистинну не было возможно праздновати <...> Дело воистинну неслыханное, дело преславное, дело, его же изрещи не доволен есть всяк язык, всякая быстрота ветийская!»² За небольшим вступлением следует собственно повествование об истории чудесной победы Петра. Начинается оно с описания злобствований врага: «Супостат воистинну таковый, от яковаго непобежденну токмо быти великая была бы слава <...> Таковое же о себе во народех ощущая мнение, безмерне кичится и гордится и народи презирати навыхче...»³ Далее кратко описывается история Северной войны: «Явная бо того свидетельница есть десятилетняя сия брань, егда многия крепкия грады, неправедне от него удержанныя, отъяты ему суть и на многих местах полки его царственным оружием пораженны, изряднее же под Калишем <...> Такожде во Ингрии <...> Такоже под градцем, нарицаемым Добрым, при реце Черной Напи...»⁴ Упоминается помощь шведам предателя Мазепы: «Что же речем, егда коварным наущением и тайным руководством от проклятого зменника введен есть внутр самую Малую Россию...»⁵

На протяжении всего текста оратор неоднократно приводит сравнения исторических событий Северной войны с античными сюжетами:

Повествует славный стихотворец римский Virgiliy, яко, егда греки пленяху и раздрушаху град Трою, неции от троянов, побивше спедшихся со собою некия воя греческия,

1 Житие Стефана Пермского // Святитель Стефан Пермский: К 600-летию со дня преставления: Монография / Под ред. Г. М. Прохорова. СПб., 1995. С. 52.

2 Феофан Прокопович. Слово похвальное... С. 23, 24.

3 Там же. С. 24.

4 Там же. С. 25.

5 Там же. С. 26.

броня их и щиты на себе возложиша и, таковым покровенны суще видом, многих инных супостатов нечаянно побиваху <...> Не тако ли творяшеся и во смущении сем зменническом?¹

Подчеркивается неоспоримое превосходство Петра-победителя: «Что же рещи о воем сердци, пресветлейший наш монархо, егда приять весть о нечаянном сем проклятаго и неблагодарнаго врага отступстве! Вемы, яко сердце твое не поколебается страхом, не унывает в злоключении, не боится военных громов»². В тексте панегирика часто упоминаются чудеса, свидетельствующие о помощи Бога Петру, в том числе — известная история о простреленной шляпе: «Аще бо леть ныне о сем страшном твоём случаи любомудрствовати, мню, яко не инной ради вины попусти господь видимой смерти приблизитися ко главе твоей, но не коснутися, разве дабы известно показал защищение свое, им же тебе и твое царство сохраняет»³. В завершение оратор описывает триумф российских войск под предводительством Петра и бегство шведов: «Устрашишася от гласа грома твоего, бежат от лица твоего ненавидящии тебе»⁴. Автор выражает восторг по поводу торжества: «...таковую се тебе бог дарова победу, яковую слышаще верный твои и царства твоего любители, истаевают от радости; слышаще врази твои, исчезают от зависти; слышаще вси странныи роди, трепещут от страха и различными помыслы колеблются. И ныне нам приличествует возглашати: услышите сия, вси языци, внушите, вси живущии по вселенной! С нами Бог! Разумейте, языци, и покарайтесь, яко с нами бог»⁵. Феофан Прокопович завершает свое слово обращением к Богу: «Укрепи, Боже, се, еже сотворил еси в нас» и т. д.

Как мы видим, значительное место в панегирике Феофана занимает рассказ об истории и предыстории Полтавской победы. В нем упомянуты реальные исторические события и найдены параллели к ним из античной и библейской истории. Помимо этого в панегирике явно подчеркивается

¹ Феофан Прокопович. Слово похвальное... С. 27.

² Там же. С. 27–28.

³ Там же. С. 32.

⁴ Там же. С. 35.

⁵ Там же. С. 36.

фигура говорящего субъекта-оратора, стремящегося передать слушателям восторг по поводу победы Петра над врагом. Динамизм при описании событий и подчеркнутое эмоциональное напряжение выделяют слово Феофана Прокоповича на фоне сочинений Стефана Яворского. Проповеди последнего лишены динамики и строятся в основном в виде пространного описания деталей единого статичного образа, который берется преимущественно из Библии, как, например, колесница-меркава из сна пророка Иезекииля, десница Бога, идол из сна Навуходоносора и др. В большинстве случаев эти описания аллегоричны и отсылают к современным автору значимым историческим событиям. Делая некоторые обобщения на данном этапе, можно сказать, что общим принципом построения панегириков Стефана Яворского на полтавскую тему является эмблематичность (подробное описание статичной картины с объяснением ее аллегорических деталей), а также отсутствие четких логических связей между частями проповеди. По свидетельству П. О. Морозова, логическая несвязность в принципе характерна для проповеднической традиции Киева барочной эпохи.¹ От себя добавим, что подобное построение уместно назвать парадигматическим — как поэтапное перечисление эквивалентных друг другу образов. В основе панегирика Феофана Прокоповича, напротив, лежит развитая нарративность, динамизм действия, а фигура говорящего субъекта — намного более ярко выраженная по сравнению с проповедями Стефана — предстает в качестве своеобразного медиума между настоящим (на момент чтения проповеди) и прошлым, между слушателями и событием.

В первые дни после Полтавской победы разными авторами создавались сочинения разных художественных достоинств. Теперь, чтобы выявить возможные пути трансформации Полтавской темы в прозаическом панегирике, мы обратимся к более поздним ораторским произведениям тех же авторов, а именно к «Слову на воспоминание торжественных викторий полтавских» Стефана Яворского (1716) и к «Слову похвальному о баталии полтавской» Феофана Прокоповича (1717).

¹ Морозов П. О. Феофан Прокопович как писатель: Очерк из русской литературы в эпоху преобразования. СПб., 1880. С. 73.

Основными темами проповеди Стефана Яворского являются Божья милость и любовь к человечеству. Своеобразное решение автор находит для логического соположения любви и войны. Причиной победы над врагом объявляется снизошедшая на народ милость Бога: «Имать быти слово Мое днешнее изъявляющее яко милосердием Своим Бог побеждает нас, мы же побежденнии Его любовию побеждаем враги наша». ¹ Любопытна художественная рефлексия автора начала XVIII века, которому сравнение любви и огня представляется типичным:

Многие символисты любовь огню сравниваючи и под пламенем любовь изъявляючи, сицевое надписание прилагают; неможе утаитися, сии есть, состояние огня, яко нигдеже его утаити возможно, понеже сего ради и возжигается дабы видим человеки самому о сем свидетельствующу Спасителю нашему. ²

В продолжение проповеди Стефан Яворский неоднократно обращается к сюжетам из Библии. Так, например, сюжет Исхода трактуется им в соответствии с концепцией любви-пламени: «...егда прииде время помиловати Израиля, избавити от прегорькия и несносныя работы Египетския, не иным коим образом милосердие Свое восхотел изъявити, токмо огнем, якоже свидетельствует Писание». ³

Большую часть произведения занимают пространные богословские рассуждения о милости и любви Божьей. На протяжении проповеди в качестве иллюстраций приводятся отсылки к некоторым сюжетам из Ветхого Завета (в частности, освобождение евреев из египетского плена (Исх: 1–14):

Многии на тя гонители восставаху фараони, но вси в суровстве своем погрязоша аки олово тяжко в воде зелне, утопоша в Чермном море крове своея, тыже всегда над врагами твоими торжественныя песни аки оная Мариам сестра Моисеова восклицаеши... ⁴.

¹ Проповеди Стефана Яворского за 1702–1716 годы // ОР РГБ. Ф. 173. Карт. 2. Ед. хр. 112. Л. 187 об. (Слово на воспоминание торжественныя виктории полтавския).

² Там же. Л. 187–188 об.

³ Там же. Л. 188 об.

⁴ Там же. Л. 198 об.

Как можно заметить, библейские сюжеты здесь не разворачиваются, а концентрируются вокруг ключевых имен собственных, географических наименований или исторических реалий.

В завершении слова Стефана Яворского упоминаются современные автору исторические реалии:

Явственное сие всему миру и тебе призрение Божие, Егоже ныне торжественное милосердию Божию благодарение, еже бе в нынешняя времена еже слышахом, еже видехом очима нашими, еже узрехом и руки наша осязаша, еже прежняя времена подобнаго ниже видеху когда, ниже слышахом явленную и тебе любовь Божию на преславной оной нам вожделенной врагомже странной и страшной победе и одолений, яже начатися в иных чуждых странах совершися в самом российском государстве при Полтаве...¹

Точно сказать, чем завершается проповедь, сложно, поскольку в единственной доступной нам рукописи вырвана последняя страница произведения.

Несколько иная нарративная природа у позднего панегирика на полтавскую тему Феофана Прокоповича «Слово похвальное о баталии Полтавской, сказанное в Санктпите-рбурхе в Церкви Живоначальныя Троицы чрез честнейшаго отца ректора Прокоповича июня в 27 день 1717». В центре внимания автора — тема памяти о войне и победе. Оратор обращается к слушателям с призывом вспомнить великое торжество восьмилетней давности:

Достохвальное убо дело есть летняя сия, юже днесь совершаем, память победы Полтавския. Умолчим ли убо и не воспомянем ли, что виде сей день восемь лет назад на Полтавском поле? Да молчит и снедается в себе врагов наших зависть, нам же немолчно о сем восклицати подобает.²

Примечательно, что, по прошествии времени, панегирик Феофана Прокоповича о победе превратился в историческое рассуждение о причинах Северной войны в целом. И хотя, подобно традиционным проповедям, в центре произведения

¹ Там же. Л. 198–199 об.

² *Феофан Прокопович. Слово похвальное о баталии Полтавской // Феофан Прокопович. Сочинения. С. 49.*

лежит тема конкретных грехов и добродетелей (в данном случае — зависти: «...к чему тебе самая правда путь показовала, к тому нуждею тебе привлекла неприятельская зависть, давно уже рожденна против тебе и до наших времен не только не умалена, но паче и паче умножившаяся»¹), развивая эту тему, автор прослеживает историю формирования шведской агрессии: «Густав великий король свейский с великим прекранием писал к Елизавете королеве аглинской за то, что она несколько пушек послала в дар царю Иоанну Васильевичу, уличая оная неопасность, яко показующия нам силу оружную».² В деятельности Петра I Феофан видит причину усиления Российского государства:

Что ж тут скажем? От рода завистником было видети еще в России многия недостатки к силе совершенной. То не крайняя ли възярися в них зависть, егда увидели все то, чего не желали, исполненно! Возрасте в совершенный возраст сила и слава российская дивным во всем и еще первым таковым своим монархом, богомвенчанным Петром.³

Неотъемлемой частью проповедей Феофана о Полтаве можно считать упоминание измены Мазепы (оно встречалось и в проповеди 1709 года): «А тут в первых и есть пред очи скверное лице, мерзкая машкора, струп и студ твой Малая Россия, измена Мазепина. О врага нечаяннаго! О изверга матери своя! О Иуды новаго! Ниже бо да возмнит кто излишнее быти негодование Иудую нарицати изменника».⁴

В завершение проповеди Феофан Прокопович представляет интересное рассуждение об историческом значении Полтавской битвы в истории Северной войны и ее значимости для России:

Но множайшыя, кроме сих всех, издаде нам плоды поле Полтавское; Полтавская бо победа многих инных побед мати есть. Не она ли виновна есть, что Рига со всею Ливониею, Выборг и Кексгольм со всею Карелиею, Абов с непобедимою (яко же словящися) Финиею, Ревель, к тому и Пернав, и Ельбинг, и Динамент, и Стетин, и Стральзунд,

¹ *Феофан Прокопович. Слово похвальное о баталии Полтавской...* С. 50.

² Там же. С. 52.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 54.

и иные крепости славные, аки сломленные, власти российской покорилися, и в малом времени толикое совершилося дело, которое многолетних и кровавых трудов требовало. Вем, что новые, кроме полтавских, труды зде были: однако оные от Полтавской виктории имели силу свою. Под Полтавою, о россияне, под Полтавою сеяно было все сие, что после благоволи нам господь пожати.¹

Подытоживая, заметим, что в творчестве обоих рассматриваемых авторов так или иначе изменился способ изображения главного события Северной войны. Изменения в подходе Стефана Яворского очевидны: от яркого и эмблематичного изображения основных реалий победы в форме аллегорий в более позднем сочинении автор переходит к абстрактной философской проповеди об отношениях Бога с человеком. Иными словами, при сравнении трех проповедей Стефана Яворского можно наблюдать смену риторической стратегии в творчестве автора — от образного и эмблематического описания к намного более «скупой» на яркие образы проповеди, основной целью которой является рассуждение и поучение. Справедливым в этой связи кажется замечание Ю. Ф. Самарина о специфике проповеди Стефана Яворского: «Существенное свойство и вместе существенный недостаток проповедей Стефановых есть отвлеченность».² По мысли ученого, в творчестве Стефана Яворского отражена установка католической проповеднической риторики на максимальную отвлеченность, концентрация на умозрительных духовных началах.³ Более всего воплощение этой установки заметно на примере проповеди 1716 года. Очевидно различие предельно образного и аллегорического языка ранних произведений Стефана на Полтавскую тему и стиля поздних, лишь изредка снабженных цитатами из текстов Священного Писания.

Отчасти меняется и стиль Феофана Прокоповича. В начале статьи нами было показано более явное, по сравнению со словами Яворского, наличие в проповедях Прокоповича нарративно-событийной составляющей. Сравнивая

¹ Там же. С. 58.

² Самарин Ю. Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Самарин Ю. Ф. Соч.: В 12 т. М., 1880. Т. 5. С. 356.

³ Там же. С. 345.

произведения 1709 и 1717 годов, мы отметили усиление внимания к историческим событиям не только периода Северной войны, но и предшествующих эпох истории Швеции и России. Можно сказать, что, по сравнению с проповедью 1709 года, военный нарратив в более позднем произведении Феофана Прокоповича расширяется до историко-публицистического сочинения о Северной войне. Публицистическое начало в проповедях Феофана Прокоповича довольно подробно описывалось исследователями; часто в нем находили признаки зарождающегося русского Просвещения.¹ Интерес к истории также, по мнению ряда ученых, выделяет творчество Феофана на фоне ораторских произведений эпохи. Н. Д. Кочеткова отмечает, что при составлении проповедей Феофан Прокопович обращался к современным ему западноевропейским сочинениям, а не только к античной и библейской истории, как было принято в ораторской традиции Киевской академии.² Как видится, это свидетельствует не только о злободневности произведений данного автора, но и о выраженном чувстве единого исторического нарратива.

Примечательно при этом, что, как было продемонстрировано, риторическая установка Стефана Яворского с течением времени меняется значительно сильнее, чем у Феофана Прокоповича: от насыщенного эмблематикой барочного панегирика Стефан переходит к схоластической богословской проповеди. Обусловлено это может быть многими факторами: упадком яркой барочной риторики в середине Петровской эпохи, популярностью Феофана Прокоповича, придерживавшегося более «сдержанного» стиля, в конце концов — началом опалы на Стефана в середине 1710-х годов,³ а также другими причинами. Таким образом, на примере полтавского цикла произведений можно заметить, что эволюция художе-

¹ См., например: *Винтер Э.* Феофан Прокопович и начало русского Просвещения / Пер. Л. В. Славгородской // XVIII век. М.; Л., 1966. Сб. 7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова. С. 43–46.

² *Кочеткова Н. Д.* Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. С. 54–55.

³ См.: *Николаев С. И.* Яворский Семен Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. С. 456–458.

ственного стиля Стефана Яворского, традиционно считающегося апологетом старой риторической традиции,¹ выражена более ярко, чем у «новатора» Феофана Прокоповича.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Винтер Э.* Феофан Прокопович и начало русского Просвещения / Пер. Л. В. Славгородской // XVIII век. М.; Л., 1966. Сб. 7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. К 70-летию чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова. С. 43–46.
2. *В. П.* Слова Стефана Яворского, митрополита Рязанского и Муромского // Труды Киевской духовной академии. 1874. Т. 3. С. 72–84.
3. *Матвеев Е. М.* Русская ораторская проза середины XVIII века (Панегирик в светской и духовной литературе). СПб., 2009.
4. *Киселева М. С.* Священная и гражданская история в контексте книжной барочной проповеди: К вопросу об истоках исторического знания в России // Vox: Философский журнал. 2014. Вып. 17. Декабрь. URL.: <https://vox-journal.org/html/issues/280/293> (дата обращения 11.07.2020).
5. *Кочеткова Н. Д.* Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма // XVIII век. Л., 1974. Сб. 9: Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века. С. 50–80.
6. *Морозов П. О.* Феофан Прокопович как писатель: Очерк из русской литературы в эпоху преобразования. СПб., 1880.
7. *Николаев С. И.* Яворский Семен Иванович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3. С. 456–458.
8. *Самарин Ю. Ф.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Самарин Ю. Ф. Соч.: В 12 т. М., 1880. Т. 5.

REFERENCES

1. *Kiseljova M. S.* Svjashchennaja i grazhdanskaja istorija v kontekste knizhnoj barochnoj propovedi: K voprosu ob istokakh istoricheskogo znanija v Rossii // Vox: Elektronnyj filosofskij zhurnal. 2014. Vol. 17. December. URL.: <https://vox-journal.org/html/issues/280/293> (data obrashchenija 11.07.2020). (In Russ.)

¹ См., например: *Морозов П. О.* Феофан Прокопович как писатель: Очерк из русской литературы в эпоху преобразования; *Самарин Ю. Ф.* Стефан Яворский и Феофан Прокопович; *Кочеткова Н. Д.* Ораторская проза Феофана Прокоповича и пути формирования литературы классицизма.

2. *Kochetkova N. D.* Oratorskaja proza Feofana Prokopovicha i puti formirovanija literatury klassitsizma // XVIII vek. L., 1974 . Vol. 9. Problemy literaturnogo razvitija v Rossiji pervoj treti XVIII veka. P. 50–80. (In Russ.)
3. *Matveev Je. M.* Russkaja oratorskaja proza serediny XVIII veka. SPb., 2009. (In Russ.)
4. *Morozov P. O.* Feofan Prokopovich kak pisatel': Oчерk iz russkoj literatury v epokhu preobrazovanij. SPb., 1880. (In Russ.)
5. *Nikolajev S. I.* Javorskij Semyon Ivanovich // Slovar' russkikh pisatelej XVIII veka. SPb., 2010. Vyp. 3. P. 456–458. (In Russ.)
6. *Samarin Ju. F.* Stefan Javorskij i Feofan Prokopovich // Samarin Ju. F. Soch.: In 12 vol. M., 1880. Vol. 5. (In Russ.)
7. *V. P.* Slova Stefana Javorskogo, mitropolita rjazanskogo i muromskogo // Trudy Kievskoj dukhovnoj akademiji. 1874. Vol. 3. P. 72–84. (In Russ.)
8. *Winter E.* Feofan Prokopovich i nachalo russkogo Prosveshchenija / Per. L. V. Slavgorodskoj // XVIII vek. M.: L., 1966. Vol. 7. Rol' i znachenije literatury XVIII veka v istoriji russkoj kul'tury. K 70-letiju chl.-korr. AN SSSR P. N. Berkova. P. 43–46. (In Russ.)